

Василий ГОЛОВACHEВ

ОБОРОТЕНЬ

Фантастическая повесть

ПРИШЕСТВИЕ

Батиевский сбросил скорость, и танк сразу перестал трястись и раскачиваться. Дорога пересекала полуразрушенный временем моренный вал — след древнего ледника. У бортов танка проплывали выпиравшие из-под слоя маслянисто-коричневой почвы каменные останцы и валуны, поросшие красивыми радужными перьями. Даль-

ше дорога ныряла в узкую долину, петляла между плоскими увалами и скрывалась в клыкастой стене горной гряды.

День угасал. Яркая голубизна неба потускнела, на западе оно было еще свежее, чистое, будто умытое дождем, а на востоке клубилась сине-фиолетовая мгла, рождающая далекий глухой рокот: особенностью погоды на Юлии были шквальные ночные грозы с ураганскими ветрами и смерчами.

— Не успеем, — сказал нервно Шубин. — Через час стемнеет и...

— Танк выдержит. — Батиевский снова увеличил скорость. — На всякий случай проверь груз, что надо — закрепи.

Через час стемнело. Первый порыв ветра взвихрил песок на гребне холма и бросил на броню машины. Гремело уже отовсюду, грохот волнами перекатывался по всему небосводу, хотя обычных для земных гроз молний не было — шла сухая и темная юлианская гроза.

— Груз я проверил, — сказал Шубин, останавливаясь за креслом Батиевского. — Давай наденем скафандры, все спокойней.

— Надевай. Я сообщил на базу, Молчанов тебе привет передает, говорит, чтобы не рисковал, а то ты отчаянный.

— Ну уж и отчаянный, — усмехнулся Шубин, заметно успокаиваясь. — Что будем делать, Витя? Двигаться в этой теснине рискованно, а искать пристанища поздно, да и негде.

— Ничего, пробьемся.

Грохот, вой и гул грозы достигли такой силы, что Батиевский приглушил громкость внешних звукоприемников. Один раз он попытался выехать на крутой берег, надеясь с помощью локаторов поискать поблизости мало-мальски пригодное убежище, но напор ветра был так силен, что едва не опрокинул пятисоттонную машину, и Батиевский решил больше не рисковать. Глубина русла высохшей реки была пока достаточной, чтобы ураган пронесился над танком, не задевая его антенн, и, хотя они давно уже потеряли дорогу, Батиевского это не беспокоило, потому что ложе бывшей реки должно было привести их к горной гряде, а там им был не страшен никакой ураган.

— Может, лучше... — начал потерявший былую уверенность Шубин и не договорил.

За одним из поворотов дорогу преградила неясно видимая черная масса, вершина которой уходила на неведомую высоту. Лучи прожекторов уперлись в ее подножие, высветив бугристую, в складках и наростах, поверхность скалы.

Батиевский резко затормозил.

— Там вход, — закричал вдруг Шубин. — Витя, давай туда, видишь?

Батиевский и сам заметил в только что бывшей сплошной стене широкое отверстие, в которое, пожалуй, прошел бы и танк. Но ведь отверстия до этого не было... Или он так невнимателен?

— Ну что же ты? — орал обрадованный Шубин. — Здесь и переждем. Давай вперед, дырка такая, что и планетарный разведчик пролезет, не то что наш «Мастифф».

— Не нравится мне эта скала, — сквозь зубы проговорил

Батиевский. — Что-то раньше я ее в этом районе не замечал.

— Так дорога-то где проходит, немудрено, что не видел.

— А высота? Ты посмотри, где ее верхушка? Километра два, не меньше! Такая махина и с дороги должна быть видна. И цвет черный... Где ты у местных скал видел такой цвет?

Недоумевающий Шубин не нашелся, что ответить, и с минуту они молча смотрели на феноменальную глыбу, перегородившую сухое русло. Ветер здесь неистовствовал вояско, засыпая русло песком и каменным крошевом, и танк иногда качало с боку на бок, когда ветер срывался по касательной с отполированной им спины берегового вала и набрасывался на земную машину со слепой яростью раненого зверя.

— Не поеду я туда, — решил наконец Батиевский. — Что-то здесь не так... Не знаю что, но не так.

Шубин пожал плечами.

— Мне казалось, ты не веришь в предрассудки.

— В предрассудки не верю, — рассердился Батиевский, — и в случайно появляющиеся в нужный момент убежища тоже. Дальше не поедет, подождем до утра здесь. Ложись отдыхай, ничего не случится...

И в это мгновение громада черной скалы впереди вдруг стала крениться в сторону танка.

— Витя! — успел крикнуть Шубин.

На танк со всех сторон навалилась тьма.

* * *

Быстролет мягко опустился на холм, и пятеро археонавтов молча выпрыгнули из кабины один за другим, невольно выстраиваясь плечом к плечу.

— Бьюсь об заклад, как говорили в старину, что храм этот появился только вчера, — сказал светловолосый гигант с открытым веселым лицом. — Дня два назад мы с Ришардом пролетали недалеко отсюда, над Диким лесом, и ничего не заметили.

— Ваша невнимательность, Юра, не аргумент, — спокойно сказал Ранги. — Хотя я тоже не понимаю, как это спутники пропустили столь крупную постройку. Ведь на фотоснимках видны даже трехметровые лизуны, поедающие друг другу хвосты, а здесь целый храм высотой чуть ли не в полкилометра.

То, о чем они говорили, — древний храм, след затерявшейся в веках цивилизации, — высился перед ними гордо и величаво. Собственно, храмом эту колоссальную постройку назвали уже люди, абorigенам она могла служить чем угодно — от тюрьмы до театра; археонавтические экспедиции на Гийсе только начинали свою работу, и люди не открыли пока ни одной тайны планеты.

— Ранги, сообщи в Центр, что мы нашли храм, — сказал наконец начальник группы Шустов, разглядывая строение изпод прищуренных век. — Из всего того, что мы уже нашли, он наименее разрушен. Тут какая-то загадка... Идем в пробную вылазку, пусть пришлют интравизоры, щупы и автопаты.

Негр Ранги нырнул обратно в кабину быстролета, а осталь-

ные с радостными возгласами устремились с холма к ближайшим колоннам храма, многие из которых были повалены и полускрыты многовековой пылью.

— Держаться в пределах прямой видимости, — приказал всем Шустов, внезапно проваливаясь в какую-то колдобину. — Юра, не спеши к славе, ты не на соревнованиях.

— Слушаюсь, командир! — шутливо гаркнул светловолосый и тут же с укоризной добавил: — Разве я когда-нибудь не выполнял инструкций? И разве планета по безопасности не соответствует индексу Д-ноль?

— Соответствует-то она соответствует, — проворчал Шустов, — да не нравятся мне храмы, растущие как грибы.

Они медленно прошли гигантскую уцелевшую колоннаду, миновали заваленный обломками обвалившейся стены проход, равный по величине жерлу хорошего вулкана, и вошли в холодную тень коридора.

— Жутковато, — подал голос четвертый археонавт, включая фонарь. — Смотрите, а пыли здесь вроде и нет.

Луч света выхватил из темноты странный пол коридора — черный, в ямках и бороздах, словно изъеденный коррозией, — и такие же складчатые стены.

— Зачем здесь коридор? — негромко спросил Шустов. — Подождите-ка... — Он быстро прошел вперед и осветил за угол коридора.

Ранги передал известие о находке храма диспетчеру Центра, захлопнул фонарь кабины и, посвистывая, пошел вниз, разглядывая рыжие фестоны пыли на портике храма и с уважением прикидывая его размеры. Как видно, обитатели Гийса были весьма неплохими строителями и зодчими. Сколько же труда надо было вложить в постройку таких колоссов?!

У храма уже никого не было, археонавты, очевидно, вошли внутрь. Ранги постоял у колоннады, вслушиваясь в долетающие из храма звуки, но голосов друзей не услышал. «Странно все-таки, — подумал он, останавливаясь. — Что-то мне мешает... какая-то подсознательная мысль... будто я что-то забыл... или упустил из виду...»

Он поднял голову и еще раз внимательно оглядел оранжевые песчаные холмы, поросшие на макушках гийасским саксаулом, желтое небо в клочкастых белых облаках, тяжелую громаду храма, ощутимо придавившую землю. Ничего...

— Юра! Властислав! — позвал Ранги, посмеиваясь в душе над своими страхами.

— Р-р-ра... слав-лав-ав, — ответило эхо.

И тут Ранги наконец понял, что его смущало. Храм это или не храм, не суть важно, но к нему должны подходить дороги, и неплохие дороги. Строили-то в местах, удаленных от горных выработок. Где же эти дороги? Не по воздуху же перевозили многотонные гранитные блоки?..

Ранги сделал шаг назад и внезапно почувствовал, что падает в бездну...

Лабовиц повел стволом карабина и плавно нажал спуск.

— Дан-н-н, — ответил карабин, и змееногий габролов свалился с дерева и остался лежать, издали выделяясь на сером фоне травы яркой пятнистой окраской.

— Ловко, — прицелкнул языком Свиридов. — Километра полтора?

— Один с небольшим, ближе он не подпустил бы. Беги скорей, через полчаса он очнется, и ты не успеешь со своей биосолизацией. Я бы не хотел стрелять в него еще раз.

— Ему же не больно, снотворное действует мгновенно.

— Все равно.

— Охотник! — фыркнул Свиридов, передвинул сумку с приборами на живот и рысцой побегал в распадок, стараясь не терять из виду дерево с гнездами габрисов. Издали оно напоминало новогоднюю елку, украшенную бриллиантовыми шарами.

Лабовиц лег на спину, придвинув к ноге карабин, заложил руки за голову и стал смотреть в легкое летнее небо: на планете Быстрой оно было удивительного густо-синего цвета.

Через двадцать минут вернулся Свиридов и привел с собой невысокого быстроглазого человечка, одетого в вязаную безрукавку и белые шорты. В одной руке он держал камеру для объемной видеосъемки, в другой ремни левитанта.

— Эрнест Гиро, — представился он, наклоняя голову.

— Турист, — отдуваясь, сказал Свиридов. — Вчера с Земли, на «Римане».

— Очень приятно, — привстал Лабовиц, называя себя. — Вам повезло, насколько я берусь судить? Ведь пассажирского сообщения с Быстрой еще нет, а «Риман» — корабль аварийно-спасательной службы?

— Может быть, и повезло, — кивнул Гиро. — Хотя... в общем... я член команды «Римана»... из аварийно-спасательной службы.

Свиридов с удивлением уставился на робкого с виду человека.

— Никогда бы не подумал... извините.

Лабовиц, в свою очередь, тоже с любопытством разглядывал нового знакомого, пытаясь увидеть в нем те качества, которые соответствовали, по его мнению, аварийщику-спасателю. С виду неловок, неуклюж, но ведь в деле он должен быть иным?

— Вам нравится Быстрая? — спросил Лабовиц после недолгого молчания.

— Красивая планета, — ответил Гиро несколько туманно. — Решил отдохнуть, полетать над лесами... Знаете, здесь леса почти как на Земле.

— А вот он не любит летать, — проворчал Свиридов, возясь с сумкой. — И я из-за него вынужден бегать галопом по всем местным буеракам.

Гиро поднял вопросительный взгляд.

— Местная живность не любит летунов, прячется, — пояснил Лабовиц, — вот и приходится обходиться без левитантов.

Ничего, пешком ходить полезно. А по какому случаю «Риман» причалил к Быстрой? Что-то случилось?

— По-моему, нет, — пожал плечами Гиро. — Обычное патрулирование. Разве прибытие аварийно-спасательного баззера всегда связывается с неприятностями?

Лабовиц улыбнулся. Разговор начинал ему нравиться, как и этот мягкий, по всей видимости, человек.

— Катастрофы вы считаете просто неприятностями?

— Катастрофы случаются редко, разного рода аварии чуть чаще, а неприятности почти каждый день.

— Например?

— Если отказывает техника, взрыв генератора, например, — это неприятность, если портится погода на не контролируемых метеослужбой планетах, наводнение и пожары тоже неприятности. Ну и грозы, ураганы и прочее...

— Невидимый фронт, — пробормотал Лабовиц.

— Фронт?..

— Слово из лексикона двадцатого века, обозначающее линию встречи двух воюющих сторон. Недавно я читал историю мировых войн...

— Занятие, достойное охотника, — насмешливо обронил Свиридов, вытирая рукавом пот со лба.

— ...и это обогатило меня некоторым военным знанием, — продолжал хладнокровно Лабовиц. — Хотя охотоведу оно и необязательно. Да вы присядьте, жарко сегодня.

Гиро покосился на карабин у ноги Лабовица и, сложив левитант, аккуратно сел на траву.

— Это был самец, — сказал Свиридов, с треском захлопывая футляр какого-то прибора из своего спецснаряжения. — Теперь нужна самка.

— А чем вы занимаетесь, если не секрет? — вежливо спросил Гиро.

— Биоксолизацией.

— Мой товарищ — эколог, — пояснил Лабовиц. — Он изучает стереотипы поведения животных на этой планете...

— Будет тебе, — хмуро сказал Свиридов.

— Я всаживаю в животное иглу со снотворным, — невозмутимо продолжал охотник, — а он запихивает в него тьму разного рода передатчиков. Вот и все.

— Интересно, — серьезно сказал Гиро.

Лабовиц засмеялся, легко вскочил на ноги и потянулся сильным телом.

— Хорошо... хотя и жарковато. Исккупаться бы сейчас. Ну, что, пошли, эколог?

Свиридов молча встал.

— А я видел с высоты неподалеку озеро, — сказал Гиро. — Километра три отсюда. Если хотите, покажу и сам с удовольствием искупаюсь.

— Озеро? — удивился Лабовиц. — В округе на десятки километров нет ни одного озера...

Гиро вежливо улыбнулся, не желая возражать.

— Охотник, — съязвил Свиридов, отыгрываясь. — Тебе к карабину нужен еще телескоп. Ведите нас, Эрнест, докажите этому неверующему, что у него слабоваты и зрение и память.

Гиро посмотрел на светило, сориентировался и пошел напрямик через негустой перистый кустарник в сторону базового лагеря экологической экспедиции. Сбитый с толку Лабовиц и повеселевший Свиридов тронулись следом.

Через четверть часа они вышли на край небольшой долины, окаймленной со всех сторон сосновым — по виду — лесом, и остановились. Перед ними во всей своей хрустальной красе раскинулось большое голубое озеро.

— Диво дивное! — завопил Свиридов и первым бросился на берег, раздеваясь на ходу.

— Странно, — задумчиво сказал Лабовиц, покусывая травинку. — Могу поклясться, что раньше этого озера здесь не было.

Гиро перевел внимательный взгляд с озера на лицо охотника, словно взвешивая его слова, и снова посмотрел на озеро, в волны которого с уханьем бросился Свиридов.

— Знаете, — сказал он медленно. — Мне оно тоже не очень нравится.

— Дело не в этом... мертвое оно какое-то. На Быстрой мало озер, и все, какие есть, поросли всякой растительной мелочью. Здесь же вода чистоты необыкновенной, да и птиц не видно...

— Ну что же вы? — кричал им Свиридов, поднимая тучи брызг. — Вода великолепная, теплая, абсолютно дистиллированная...

Гиро вдруг стал надевать левитант и сунул в руки Лабовицу фотоаппарат.

— Держите. Вам не кажется, что озеро меняет цвет? Я верну вашего товарища, а вы пока фотографируйте всю эту картину.

Он подпрыгнул и, как пущенный из пращи камень, выписал аккуратную траекторию к ныряющей голове Свиридова. И не успел он зависнуть в воздухе, как воды озера совершенно бесшумно встали вокруг него стеной.

Реакция у Лабовица была отменной, и он упал прежде, чем метнувшийся к нему голубой рукав «озера» успел его коснуться. Дважды прогремел карабин, и наступила тишина. Последнее, что увидел Лабовиц, уплывающее в небо гигантское бурое яйцо, все в складках и бороздах, похожее на земной грецкий орех.

ВЫЗОВ

Тревожный гудок экстренного вызова застал Грехова в столовой базы аварийного патруля, куда он зашел после разговора с начальником базы. Вызов был личным, без индекса патрульной тревоги, поэтому Грехов мог бы сначала узнать причину вызова, потом поесть и лишь после этой великой постоянной обязанности явиться по вызову. Но дисциплина и исполнительность были для него не только словами, но и основой взаимоотношений с подчиненными и начальниками, к тому же Грехов знал, что такое прибыть вовремя, в его работе это было решающим фактором успеха, поэтому он не колебался. С сожалением взглянув на уставленный едой стол, Грехов быстро прошел к кабине, где находилась система мгновенного перемещения в пространстве — таймфаг, набрал шифр и перенесся в секторият Управления аварийно-спасательной службы (УАСС),

находившийся на орбитальной станции «Снег-три». Станция эта располагалась над Плутоном на высоте восьмисот километров.

Появившись в приемной камере таймфага сектораиата, Грехов машинально отметил время прибытия — было девять часов по среднесолнечному времени. Узнав у дежурного адрес вызова, коротким коридором прошел до пронзающего лифта и уже через минуту входил в кабинет руководителя третьего сектора УАСС Торанца.

Кубическое помещение кабинета было погружено в полутьму, озаряемую всполохами видеоселектора. Два видеомы (объемы цветной видеопередачи, заменившие телевизионные экраны) показывали пейзажи знакомых планет солнечной системы, третий отражал чей-то пустой кабинет. Сидевший у селектора Торанц, длиннолицый, длинноносый, весь словно вытянутый в длину, нажал клавишу, и последний видеомы угас.

— Проходите, — покосился он на вошедшего, — выбирайте свободное кресло.

Грехов огляделся, коротко поздоровался с присутствующими, успев заметить среди них Вигдора — начальника отдела коммуникационной службы, и Смольского — начальника отдела безопасности пассажирских сообщений, и сел.

— Попрошу внимания, — сказал Торанц, хотя в кабинете и без того было тихо. Голос его был глуховат и невыразителен, но Грехов почувствовал смутную тревогу. Вызов к руководителю сектора сам по себе не означал ничего особенного, оперативная работа контролировалась в основном самими начальниками отделов, но в том, что, кроме Грехова, были вызваны руководители других отделов, крылось что-то тревожное.

Торанц повозился и выключил работающие видеомы. Вспыхнул белый свет. Грехов встретился глазами с Вигдором, и они одновременно подмигнули друг другу.

— Итак, — продолжал Торанц, — здесь все руководители отделов сектора. Случилось следующее. Как вы уже все знаете, в течение прошедшей недели на зэт-границе второго, соседнего с нашим сектора произошел ряд непонятных исчезновений людей. В первом случае это система гаммы Единорога, вторая планета системы Юлия. Во время грузового пробега в условиях ночной грозы исчез тяжелый танк-лаборатория типа «Мастифф» с двумя членами экипажа. Тихо... Вопросы потом. Во втором случае без вести пропала группа археонавтов на Гийсе, третьей планете системы альфы Единорога. В обоих случаях причин исчезновения установить не удалось. Спецгруппы наших товарищей, а это специалисты высокой квалификации, не обнаружили в местах исчезновений никаких следов.

— То есть совсем никаких? — спросил негромко Смольский.

— То есть совсем.

По комнате прошло легкое движение.

— Но это еще не все. Не далее как сегодня утром пришло сообщение от дельты Орфея, как видите это уже наш сектор, — планета внутреннего пояса Быстрая. По счастью, единственный свидетель происшествия, некто Герман Лабовиц, успел перед смертью (по комнате снова прошло движение) сфотографировать виновника, как мы теперь полагаем, всех исчезновений. Двух мнений здесь быть не может: мы столкнулись с прояв-

лениями неизвестной и, весьма вероятно, разумной жизни. Посмотрите снимки.

Торанц положил руку на панель селектора, и стеной видеом воспроизвел перед ними один за другим витейры — цветные объемные голографические снимки: сначала удивительное синее озеро с купающимся в нем человеком, потом это же озеро, сворачивающееся в полупрозрачный кокон, и, наконец, гигантское, судя по визирным меткам, черное сморщенное яйцо. Форма конечного продукта трансформации «озера» — яйцо размером с километр! — ничего не говорила присутствующим.

Торанц из-под насупленных бровей оглядел людей и выключил аппарат.

— Налобовались? Ну и каковы же ваши мнения?

— Мнениями делиться, по-моему, рано, — раздался сзади Грехова знакомый голос. Он оглянулся и встретил прозрачно-спокойный взгляд Диего Вирта.

— Возникает вопрос другого плана. Созвездие Единорога бедно звездами и планетами, как, впрочем, и система Орфея. Ни на одной из планет обеих систем нет неизвестных и тем более разумных форм жизни; открыты эти планеты давно и исхожены экспедициями вдоль и поперек...

— Неизвестная форма жизни необязательно должна быть планетарной, — сухо сказал Торанц. — В том, что исчезновение хотя бы последних двух человек не случайное явление, вы убедились. Здесь, как я уже сказал, двух мнений быть не может. Другое дело: кто совершил нападение — неизвестное науке животное или же разумные существа на управляемой ими машине? Для определенности руководство УАСС предложило дать этой машине... или существу название — сверхоборотень. Ибо превратиться в озеро так, чтобы оно было до сенсорных реакций неотличимо от настоящего озера, может только супер-подраздатель.

Тонко пропел сигнал вызова. Торанц включил дежурную линию связи, и видеом отразил серо-фиолетовую пустыню, фиолетовое небо и двух человек в одинаковых белых комбинезонах и белых унтах, стоящих под прозрачным куполом станции связи.

— Корабль готов, — сказал один из них. — Предполагаемое количество пассажиров?

— Около пятидесяти человек. Через два-три часа жди людей по своему ТФ-каналу. Экипаж предупрежден?

Человек как-то странно всхлипнул, то ли кашлянул, то ли засмеялся.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам слушай все, но каждый раз скупись, брат, на слова. Недаром рот один у нас, а уха два, — ответил Торанц пошловницей.

Снова тот же всхлип.

— С этим все нормально, не беспокойся. Жду гостей.

Человек махнул рукой, и Торанц вырубил связь.

— Так... — Он мельком посмотрел на часы и нахмурился. — Вопросы есть?

— Я понял так, что все три случая произошли в разных звездных системах? — нарушил молчание Вигдор.

— Именно в разных, вот что настораживает! Ведь если предположение наше верно и все три похищения совершены одной... одним... не знаешь, как и сказать, словом, пусть будет — одним сверхоборотнем, несмотря на то, что расстояния между посещенными им системами невелики — от четырех до одиннадцати светолет, — факт передвижения сверхоборотня в пространстве со скоростью наших трансгалактических кораблей имеет просто колоссальное значение! Если сверхоборотень — порождение агрессивной цивилизации (хотя я сам в это не верю), опасность настолько велика, что недооценка ее граничит с преступлением. Мы уже на собственном опыте знаем, на опыте земной цивилизации, что выход в космос может совершить и цивилизация, не решившая на своей планете всех социальных противоречий. Отсюда и выводы... В связи с появлением сверхоборотня на сегодня назначен Совет Ствола УАСС, но ситуация столь тревожна, что требует немедленных действий. Считайте, что вы уже начали операцию. В распоряжение поисковых групп, несмотря на огромные, связанные с широким пространственным поиском сверхоборотня, энергетические потери, передаются два баззера А-класса «Ильмус» и «Риман». Руководителем операции назначается начальник отдела коммуникационной службы Вигдор. Основная нагрузка, естественно, ляжет на спецотдел Грехова, но всем остальным начальникам отделов необходимо подготовить оперативные группы по четыре-пять человек из самых опытных спасателей. Группы должны быть укомплектованы аппаратурой коммуникации и готовы к вылету в течение суток, сбор на Титане у резервного ТФ-приемника. Все. Вигдору, Грехову, Вирту остаться, остальные свободны.

Кабинет почти опустел, оставшихся вместе с названными начальниками отделов и представителями ИВК оказалось всего семь человек.

— Продолжим, — сказал Торанц, хмуря косматые брови. — Времени до обидного мало. Начать вам придется с оповещения населения поселков, станций и лагерей экспедиций в тревожной зоне Галактики, особенно там, где уже есть ТФ-станции, об опасности свободных поисков и выходов вообще. Пусть свернут на время все исследования, туристские туры и тому подобное. Эта часть операции должна пройти в строжайшей тайне. Объявить по всеобщей информсети о появлении сверхоборотня, об опасности прямых контактов с ним мы не можем по той простой причине, что это вызовет обратный эффект: десятки, если не сотни, юнцов, молодых сорвиголов тотчас же устремятся на поиски сверхоборотня и не только раскроют неведомому врагу наши планы и сорвут операцию, но и подставят себя под удар, защиты от которого мы не знаем. Помните о Большом радиовсплеске — гигантской вспышке на Солнце, случившейся лет сорок назад? Тогда в поток мощного корпускулярного излучения попали многие сооружения меркурианской и венерианской зон, об опасности лучевой волны было передано по глобальному видеовещанию, и в результате тысячи смельчаков кто на чем мог ринулись к Солнцу спасать пострадавших, тут же попадая в такое же положение.

— Порыв их понятен, — после некоторого молчания сказал Диего Вирт. — Но допустить подобное в нашем случае, конеч-

но, нельзя. Хотя, честно говоря, я не верю, что тайна о появлении сверхоборотня просуществует столько, сколько нам надо. Слухи имеют обыкновение просачиваться даже сквозь вакуум и, что самое интересное, со скоростью ТФ-передачи.

Торанц сморщился, словно откусил лимон.

— Мы допускаем и это, но именно поэтому и нет времени на подготовку и обсуждение гипотез о сверхоборотне. Все таймфаговые станции в тревожной зоне мы, конечно, поставим под контроль, остальное будет зависеть от вас, как ни тривиально подобное заявление. На ваш отдел, Габриэль, ложится основная тяжесть операции, ибо она проходит по вашему профилю, профилю работы спецотдела. В специалистах какого рода вы нуждаетесь, по вашему мнению?

— Пока ни в каких, — подумав, сказал Грехов. — Для начального этапа операции, мне кажется, нужны люди с универсальной подготовкой, как коммуникаторской, так и технической, в отделе таких вполне хватает. В дальнейшем, возможно, понадобятся консультанты ИВК по экзобиологии, ксенопсихологии, истории и специалисты в разных областях науки и техники. Вот, пожалуй, и все.

— Наши мнения совпадают. — Торанц выпростался из своего кресла, седой, угрюмый, и заходил по кабинету. — Консультанты от ИВК перед вами, знакомьтесь. Талгревенн, ксенопсихолог-универсалист.

Сидевший напротив Грехова мужчина наклонил голову.

— Сергиенко, экзобиолог.

Широкоплечий здоровяк с веселыми голубыми глазами встал и слегка поклонился в сторону Вигдора. Грехова и Вирта он знал давно.

— Нагорин, врач-универсалист.

Крупнолицый, с коротким ежиком волос, врач-универсалист чем-то напомнил Грехову Сташевского, и у того на миг защемило сердце. Сташевского не было рядом уже четыре года...

— Отводы или самоотводы есть? — Торанц остановился вполоборота, вслушиваясь в зуммер вызова. Потом подбежал к пульту и сердито отключил сигнал.

— Какие могут быть отводы? — тихо проговорил Вигдор.

— Прекрасно. В таком случае все свободны. Нет, вы, Керр, задержитесь на минуту.

Грехов вышел первым, подождал широкоплечего, мускулистого, скупого в движениях Диего Вирта и пошел рядом.

— Ты не рад, что будем работать вместе? Я не ожидал, соскучился. Но задание не из легких. Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

— Там гибнут люди! — отозвался Диего, обнимая миниатюрного Грехова за плечи. — Вот это по-настоящему страшно! Если ты к себе в отдел, то я с тобой: пока ты будешь отдавать распоряжения, я встречусь с Анной. Кстати, как поживает Полина? Где она сейчас?

— Готовится к экспедиции на «Клинке солнца». Дальняя разведка в глубину Лебеда.

— Надолго?

Грехов замедлил шаг.

— Может быть, год... Может быть, больше.

ПОИСК

Несколько дней баззеры УАСС «Ильмус» и «Риман» резали пространство в кубе со стороной в полсотни световых лет. Все немногочисленные планеты этой бедной звездами области космоса были ими обследованы тщательно и придирчиво, но чуда не произошло: разумных существ, которым приписывали создание сверхоборотней, ни на одной из планет, а также и вне планетных систем, не оказалось. То ли сверхоборотень пришел сюда издалека, то ли маскировался столь успешно, что земная техника не могла его обнаружить, то ли гипотеза о самом сверхоборотне оказалась несостоятельной. О последнем не говорили вслух, но многие склонялись именно в пользу этого мнения.

А на шестой день похода сверхоборотень объявился у беты Зайца, в стороне от направления поисков.

Иглокол Грехова (на жаргоне спасателей) заканчивал патрулирование системы небольшой зеленой звезды, имеющей лишь кодовый номер, когда прозвучал сигнал срочного вызова и появившийся в видеоме Вигдор коротко сказал:

— Всем немедленно на баззер!

Грехов переглянулся с пилотом иглокола, и тот молча привел в действие автоматику возвращения.

Через несколько минут они уже выводили свой иглокол из фокуса приемной антенны баззера, пронзив немногим более двух световых лет. Отворачивая иглокол по сигналу финиш-робота, Грехов залюбовался многолепестковым телом корабля, излучавшим ровный оранжевый свет.

Баззеры создавались как аварийно-спасательные корабли и корабли сверхдальней разведки, они сами могли создавать «мнимые» коридоры — основу мгновенной таймфаговой (ТФ) связи, но в то время как система стационарной ТФ-связи имела и передатчик и приемник, разнесенные на необходимые расстояния, и все время поддерживала открытые каналы между ними, баззеры создавали векторные коридоры, по которым и передвигались они сами и корабли малой разведки — иглоколы в пределах десятка парсеков. А поскольку для поддержания векторного коридора требовалось энергии в сотни раз больше, чем для двухстороннего, баззеры были мощными кораблями. Раствор многосложного тела «Ильмуса» достигал четырех километров. «Риман» был в два раза крупнее.

Один за другим вынырнули из ниоткуда иглоколы других групп: мелькнули и пропали беззвучные вспышки инверсионных переходов. «Ильмус» втянул все аппараты в причальный диск и погасил сияние.

В командном зале Грехову стала известна причина срочного свертывания поисков. Сверхоборотень снова показал свои «зубы», причем буквально под носом у поисковых групп. Объявился он у беты Зайца, звезды, известной землянам под названием Арнеб. Эта небольшая звезда спектрального класса О имела семью из четырех планет. Одна из них, покрытая карликовыми лесами, пользовалась славой курорта и заповедника. Именно на ней сверхоборотень и показал еще раз свои возможности.

Он опустился вблизи северного полюса. Когда и как он там появился, никто не видел: ни отдыхающие, ни многочисленные планетарные службы, ни метеопосты, ни астрономические станции. Факт тот, что проник он на планету абсолютным незамеченным и изобразил нечто вроде разбитого космического корабля, который и обнаружила семья Стенсена. Первым его увидел двенадцатилетний сын Стенсена и рассказал отцу. Вдвоем они смело пошли на штурм древней межзвездной развалины, и... миссис Стенсен видела все со стороны и успела сделать несколько снимков «корабля», а также поймала тот момент, когда он внезапно схлопнулся в чудовищное черное яйцо... Ее нашли возле быстрого, пораженную неизвестным видом лучистой энергии. В сознание она так и не пришла.

— Как же узнали, что именно сын первым заметил сверхоборотня? — спросил хмурый Сергиенко.

— Диктофон, — коротко ответил Вигдор. — Миссис Стенсен была профессиональным корреспондентом и успела записать несколько фраз. Конечно, случай этот уникален.

— Здесь многое непонятно, — проговорил Диего Вирт. — Во-первых, сверхоборотень допустил явную ошибку, не подождав, пока третий свидетель его «открытия» войдет в него. Во-вторых, стартуя, он вдруг оставляет такие следы, как голограф с его изображением и диктофон, что является для него прямой утечкой информации. Все это указывает либо на то, что сверхоборотень — всего лишь автомат, действующий по своей, непонятной нам пока программе, либо на недостаточной высокий уровень развития существ, создавших сверхоборотня, если они сами находятся на борту.

— Может быть, и так, — сказал Грехов задумчиво, — но у меня создалось впечатление, что сверхоборотня кто-то спугнул. Отсюда и его ошибки.

— Допустим, я согласен, могли и спугнуть. Но ведь и на Быстрой и у дельты Орфея произошло то же самое? Третий человек, не попавший в «апартаменты» сверхоборотня, успел сделать витейры, которые дошли до нас. Тоже спугнули?

— Это можно проверить. — Вигдор повернулся к командному пульту. — Я дам запросы на Быструю и на Арнеб III, какие события происходили там во время похищений. — Он набрал шифр и отдал приказание инженерам связи корабля. Потом повернулся к присутствующим.

— Продолжим. У кого есть предложения, рабочие гипотезы? Ведь сверхоборотень действует рядом с нами, а мы его не видим и не знаем, что он предпримет в следующую минуту.

— Непонятно также, почему именно человек заинтересовал его, — сказал сосредоточенный Нагорин. — Именно человек? Ведь недалеко, в нескольких парсеках, есть система, населенная народом идзоров... И ни одной попытки вступить в контакт, ничего похожего на научное исследование...

— Мы избаловались, — усмехнулся Талгренн. — Все нам доступно, мы кажемся себе могучими и непобедимыми, Галактику считаем собственным двором, и в результате появляется сверхоборотень и на своем языке поясняет нам: нет, братцы, космос — это не увеличенная до бесконечности Земля, это иное качество, и населен он, может быть, такими существами,

логика жизни которых принципиально отличается от человеческой. А может, причина похищений, наоборот, столь банальна, что наш увлеченный высокими материями ум просто пропустил готовое объяснение.

— Например, людей ловят для приготовления особого деликатеса, — предложил Танич, помаргивая светлыми ресницами. Беленький, круглый несолидный, он казался случайно затесавшимся в ряды спасателей, между тем он имел за плечами десятилетний стаж командира группы и был первым помощником Грехова. — Контакт, так сказать, чисто гастрономический.

Многие в зале улыбнулись, но то были невеселые улыбки.

— Разве мы спотыкаемся первый раз? — негромко сказал Сергиенко, поглядев на Грехова. — Вспомните Тартар...

«Я помню Тартар, — подумал Грехов. — Там остался Сташевский... и многие другие... Я помню страх и боль, я дважды воскресал после Тартара... Но если там мы споткнулись о собственное незнание, что оправдывало нас социально, то теперь мы не имеем права спотыкаться, ибо никто и ничто нас не оправдает, пока гибнут люди...»

— Все мы помним Тартар... — Вигдор рассеянно пригладил прядь русских волос на лбу. — Если у вас нет предложений, то у меня есть. Пока «Риман» обследует Арнеб III, у нас есть шанс опередить сверхоборотня.

— Как?! — вырвалось сразу у нескольких человек в зале.

— Первое появление сверхоборотня предполагается у гаммы Единорога, потом альфы Единорога, потом дельты Орфея и, наконец, беты Зайца... Так? А теперь соедините эти системы линией, получится...

— Прямая!

— Да, идеальная прямая, вектор, идущий откуда-то из внегалактического пространства. И если это не случайное совпадение, то следующее появление сверхоборотня следует ожидать у...

— ...тэты Зайца, — закончил Диего Вирт, сделав в уме быстрый расчет.

— У тэты Зайца, — согласился Вигдор. — Конкус, красный карлик с единственной геоподобной планетой. Теперь давайте обсудим план действий...

«Задача все больше усложняется, — думал Грехов. — Предстоит заблокировать целую планету! Хватит ли двух наших баззеров? Что, если предположение Керра не отражает истины? Кто же он, сверхоборотень? Пришелец из глубины Метагалактики, случайный гость? Или хозяин?!»

«Ильмус» плавно изменил ориентацию в пространстве и замер перед прыжком, пока автоматы рассчитывали тончайшие процессы таймфагового режима.

ОЖИДАНИЕ

Невидимой и неслышимой тенью иглокол скользнул над сплошной серой волной тумана и окунулся в него целиком, и Грехову показалось, что он одновременно и ослеп и оглох.

Но лишь в первое мгновение. Нечеткие силуэты закружились вокруг корабля, словно он стоял здесь вечно, и неожиданно сильные трубные звуки неведомой жизни заставили забиться сердце сильнее.

Утро в этом мире без конца и без начала уже наступило, серое и безотрадное, но рассеять туманный слой, плотный, как желе, было не в силах. Иглокол оказался в белесом нигде без неба и земли, лишь видеом спутника-сторожа, сброшенного перед посадкой, показывал над сплошным морем тумана изломанную дугу горного хребта, словно плавающего в воздухе невесомой громадой.

Грехов представил, как на планету сейчас со всех сторон садятся иглоколы десанта, унял поднымавшееся было волнение и отстегнул себя от кресла. В ходовой рубке, кроме него, располагались еще одиннадцать членов группы и пилот, поэтому рубка представляла собой зрелище странное и не радующее глаз, особенно для пилота Саши Леха. Но если бы можно было в иглокол запихнуть еще с десятков спасателей, Грехов сделал бы это не задумываясь, так как иглоколы садились на планету на расстоянии в пятьсот километров друг от друга и двенадцати человек для контроля гигантского квадрата суши в двести пятьдесят тысяч квадратных километров было слишком мало. Даже сотни человек было мало. Экспедиции не хватало ни людей, ни иглоколов, и баззер «Риман», высадив свои отряды асов, умчался к Земле за помощью.

— Сначала небольшой инструктаж, — сказал Грехов негромко. — Особенно для руководителей групп. Вот карта нашего квадрата. — Он включил проектор, и видеом воспроизвел перед ними трехцветную объемную карту района патрулирования. — Группа Шёбранна: район от западного склона хребта до Черного озера.

Рубиновые линии отчеркнули на карте район группы.

— Группа Лихолетова: район патрулирования — от Черного озера до реки Воскрешения. Группа Дейва: от реки Воскрешения до цепи морен Форты Надежды. Дальше иду я. Особенно внимательным надо быть тебе, Алексей.

Рыжий Лихолетов кивнул.

— У тебя там туристский кемпинг, и хотя люди предупреждены... — Грехов поморщился и запнулся, тонкое, живое лицо его стало неприветливым и хмурым. — Но риск остался, причем риск смертельный. Конкретных примет сверхоборотень не имеет, поэтому о любых, пусть самых неожиданных, ассоциациях немедленно сообщайте на баззер. Главное — упредить сверхоборотня, найти его до того, пока он успеет поймать очередную жертву. Хочу предупредить также: знаю, стрелять вы умеете, так вот — стрелять только в случае прямой угрозы жизни. Понятно?

— Понятно, — сказал скучающий Шёбранн.

— А теперь экипировка.

Грехов кивнул Леху, и тот вскрыл в полу рубки люк багажного отсека.

— Левитанты — летательные аппараты индивидуального пользования.

Лех, спустившись вниз, протянул из-под пола связку квад-

ратных решеток гравитационных эмиттеров с ремнями крест-накрест.

— Экзоскелетные пленки.

Лех достал ворох коричневых пленочных костюмов, увеличивающих силу человеческих мышц.

— Рации и оружие.

Рации представляли собой дырчатые шлемы с наушниками; оружие — деформаторы, блестящие цилиндры с рукоятями.

— Вылет через полчаса. Сейчас всем полная медицинская профилактика, без исключений. Еще раз спрашиваю: всем все понятно?

— Ясней ясного, — сказал Шёбранн, играя отлично развитыми бицепсами. — Одно непонятно, зачем нам экзоскелетоны?

У Грехова сузились и расширились крылья тонкого носа и глаза на мгновение вспыхнули темным зловещим блеском. Несколько секунд он молчал, потом неожиданно усмехнулся.

— Зачем? Подойдите ко мне.

Шёбранн недоумевающе пожал плечами и протиснулся между креслами к пульту управления. Он был на две головы выше и чуть ли не вдвое шире миниатюрного начальника отдела, и Грехов снова усмехнулся в душе, зная, насколько обманчив его мальчишеский вид.

— Вот моя рука, согните свою в локте... так. Возьмите мою, упор в ладонь, а теперь попытайтесь пережать мою руку вниз.

Шёбранн откровенно улыбнулся, оглядываясь на оживившихся асов, которые придвинулись ближе, ожидая необычного состязания. Забара и Лех, знавшие силу командира, переглянулись.

— Давайте, давайте, — кивнул Грехов, — начинайте.

Шёбранн осторожно нажал, боясь сломать хрупкую по сравнению с его рукой руку Грехова. Тот даже не пошевелился. Тогда он нажал сильнее — никакого результата! Покраснев от досады, он напряг мышцы в полную силу — рука Грехова, да и он сам казались отлитыми из металла.

— Все? — спокойно спросил начальник отдела, будто вовсе не он сопротивлялся мощному натиску соперника. Потом медленно оттеснил руку Шёбранна влево и дожал, опрокидывая его на пол. — Теперь понятно, зачем экзоскелетон?

Красный и злой Шёбранн вскочил с пола, растирая запястье правой руки.

— Вы, наверное, заранее надели на себя экзопленку.

Грехов покачал головой.

— Обыкновенный рабочий костюм. Кстати, вы молодец, — добавил он, — многие могут похвалиться тем, что выстояли против меня минуту. Ну а усилители мышц нам очень могут пригодиться, потому что никто не знает, во что и в кого может превратиться сверхоборотень. Забара и вы, Шёбранн, оставайтесь. Группу Шёбранна поведете вы, Ивадари, пожалуй, так будет лучше. Он пойдет со мной.

Ходовая рубка постепенно опустела, груда снаряжения на полу растаяла. Грехов подождал, пока закроется люк, и посмотрел в лицо Шёбранну.

— Мне не нравится ваша несдержанность. В деле, которое нам предстоит, слишком много неизвестности, поэтому я не

имею права рисковать, посылая вас старшим патрульной группы.

Шёбранн побледнел, но смолчал.

— Я мог бы вообще устранить вас от операции, — продолжал Грехов холодно, — но за вас поручился Диего Вирт, а я ему верю.

Шёбранн опустил голову, и уши его вспыхнули. Грехов отвернулся, покосился на Леха и щелкнул пальцами, переводя взгляд на пульт. Пилот кивнул, поняв, что нужна связь с баззером.

— Пойдете со мной. Все, что я говорил на инструктаже, вы обязаны выполнять без лишних слов. И мой вам совет: не надо щеголять своим послужным списком и делать вид, что вам сам черт не брат. Это не принято даже среди молодых. Вы меня поняли?

Шёбранн поиграл желваками и отвернулся.

— Отлично. Подгоняйте снаряжение, сейчас выходим.

— Баззер на связи, — сказал Лех от пульта.

Проводив первые группы, Грехов послал краткий отчет на баззер.

— Хорошо, — сказал в ответ Вигдор, отводя мрачноватые глаза. — Связь со мной держи лишь в случае крайней необходимости: кто знает, на что еще способен сверхоборотень, может, он пеленгует и таймфаговые передачи.

— А как у Диего?

Вигдор усмехнулся.

— Он тоже про тебя спрашивал. Ничего нового, все идет по плану, взяли под контроль свой квадрат. Кстати, ты там особенно не рвись в бой, мне нужны лишь сведения о появлении сверхоборотня, а не лихие погони со стрельбой. Как это говорили раньше: вперед не суйся, сзади не оставайся, в середине не толкайся...

— Но инструкцию знай, — докончил Грехов. — Ну инструкцию я знаю. Лучше скажи, ученые могут наконец определить, что такое сверхоборотень? Трудно бороться с неизвестным врагом. У тебя ведь куча представителей ИВК: Сергиенко, Талгренвенн, зтот... как его... Нагорин. Они-то почему не подключаются?

— Они давно подключились, но информации, ты сам знаешь, кот наплакал. Кстати, откуда тебя знает Сергиенко? Он тут мне все уши прожужжал, распевая тебе дифирамбы.

— По Тартару.

Вигдор кивнул и перевел разговор на другую тему. Об участии Грехова в конфликтной ситуации контакта на планете Тартар он был осведомлен достаточно хорошо.

— Вот что, Габриэль, — медленно сказал Вигдор, оглядываясь в глубь темного зала. — Не хотел я тебе говорить до конца операции... но не могу молчать... «Клинок солнца» не вышел на финиш в Лебеде.

Грехов привстал, вглядываясь в резко очерченное лицо Вигдора, потом сел и качнул головой.

— Сроки?..

— Все контрольные сроки прошли. Причин не знает никто, и это не обязательно означает гибель трансгала. Но событие достаточно тревожное, а тут еще сверхоборотень!..

Грехов пошевелил губами.

— Ты думаешь — сверхоборотень?..

— Едва ли. Во-первых, расстояние от Конкуса до гаммы Лебеда слишком велико, а во-вторых, сверхоборотню трансгал не по зубам. Понимаешь, нельзя повернуть назад колесо операции, иначе я бы тебя освободил.

Посидев несколько секунд, Грехов протянул руку и выключил связь. Видео подернулся туманом и угас.

Сидевший рядом Забара с сочувствием посматривал на него, но молчал. И Шёбранн молчал, и инженер-пилот иглокола Саша Лех. Все они знали, что на исчезнувшем корабле находилась жена Грехова, Полина.

— Собирайтесь, — проговорил наконец Грехов. — Вот и наша минута пришла — уходить и прощаться без слов... — Он оборвал себя и встал. Лицо его было уже бесстрастным, только чуть бледнее обычного.

Они уходили последними.

Туман у корабля все еще не рассеивался: то ли иглокол сел в болотистой низине, то ли это было особенностью местной природы. Обходя круглое тело корабля, Грехов спугнул стайку каких-то молчаливых существ и, вспомнив описание фауны Конкуса, подумал, что это, вероятно, чоксы — экзотические летающие лягушки планеты.

Проверив снаряжение, все трое выскочили из туманного одеяла под серебристым шариком телезонда и направили полет в сторону моренной гряды под названием Форт Надежды, там была граница подконтрольного группе района.

Всем участникам операции пришлось выучить с помощью гипнопеда планетографию своего участка, поэтому в рельефе проплывающей под ним местности Грехов разбирался хорошо. Над рекой Воскрешения, угадываемой по плеску волн, он уверенно повернул на юго-восток, навстречу встающему светилу.

Снизившись до метра над сплошным листовым покровом сельвы, Грехов оглянулся, но разглядеть место посадки иглокола уже не смог: сзади до горизонта простиралась слоистая пелена серого тумана, смыкающегося с такой же однообразной серой стеной небосклона. Все на этой планете казалось каким-то серым или бесцветным, то ли из-за эффекта освещения, то ли в действительности мир Конкуса имел серую окраску.

Грехов подумал, что в известном смысле ему повезло — группе достался самый трудный участок, но тут же пришла мысль, что везение — фактор, не зависящий от начальных условий, и еще неизвестно, что следует считать везением.

Экзоскелетный костюм увеличивал массивность и объем человеческой фигуры, но все же двести километров до Форта Надежды они преодолели за три четверти часа. Отсюда и следовало начинать патрульное барражирование вдоль полосы обитаемой Земли, в центре которой находилась станция мгновенного таймфагового сообщения.

С воздуха моренный вал, источенный эрозией, действительно напоминал полуразрушенные каменные постройки, вернее — многокилометровую каменную стену с бойницами и башнями, и Грехов снова пережил ощущение встречи с памятником древней цивилизации. Но на смену ему пришло сожаление: Конкус был необитаем миллионы лет до появления на нем человека,

никакая цивилизация не могла оставить здесь свой след.

У одной из «башен» они спланировали на почву, и Грехов проверил связь с остальными группами. Все складывалось нормально: асы начали патрулирование, ничего подозрительного за это время не наблюдалось.

— Пойдем и мы, — сказал Грехов, оглядывая напарников. То, что они молчали, ему понравилось, а мгновенная, заметная только опытному глазу реакция Шёбранна на звуки иной жизни говорила о его гостовности к действию, и это тоже было ему по душе. Забару же Грехов знал давно и был спокоен за него.

— Впереди пойду я и... Шёбранн. Ты, Игорь, пойдешь страхующим. Следи не столько за обстановкой, сколько за нами. Держись метрах в ста, не отставай.

— Есть, — пожал круглыми плечами борца Забара, оставаясь спокойным.

— Добро. Поначалу, я думаю, осмотрим ТФ-станцию и ее окрестности. Потом поселок биологов. Ну, вперед.

Грехов полого поднялся в воздух, сориентировался и направил полет к небольшому озеру ржавой воды.

СХВАТКА

ТФ-комплекс открылся совершенно неожиданно. Грехов даже засомневался сначала: по его расчетам, они должны были долететь до станции минут через десять. Но за стеной странных пузырчатых растений, в котловине, открылся вид на территорию станции ТФ-связи: голубая искусственная платформа с жилыми коттеджами, эллингом для прогулочных аппаратов, техническим центром.

Грехов еще раз посмотрел на часы, пожал плечами и опустился почти к границе платформы, жестом давая понять Забаре, что он должен остаться здесь.

— Пройдемся пешком. Посмотрим эллинг, камеры, генераторы.

— Вид у нас несколько необычный, — с усмешкой сказал Шёбранн, ощупывая жесткую пленку экзоскелетона. — Что о нас здесь подумают?

— Это нас не должно заботить. Здесь все предупреждены. Пошли.

Они вступили на слабо флюоресцирующую голубую поверхность платформы и, с любопытством рассматривая оборудование комплекса, не спеша двинулись в глубь городка для прибывающих гостей.

На улицах царил чистота и тишина. Никого из людей они не встречали, все вокруг словно вымерло. Только едва ощутимая подошвами ног дрожь говорила, что недалеко расположен мощный энергетический узел.

В молчании они обошли четырехкилометровую платформу кругом. Грехов без труда запомнил местонахождение сооружений центра, убедился в безопасности стоявших в эллинге быстролетов. По всей видимости, сверхоборотень на платформе не появлялся, все сооружения, аппараты и здания были настоящими, не скопированными. И все же видимое отсутствие на площадях станции людей, просто случайных встречных, дей-

ствовало на нервы, и Грехов впервые почувствовал тревогу. Опасности не было видно никакой, но ведь и появление сверхоборотня всегда оставалось незамеченным до тех пор, пока не проявлялся истинный его характер. Могучая техника землян не годилась пока для распознавания сверхоборотня, и нужна была, может быть, единственно интуиция тренированного человека, реагирующего на малейшую тень опасности, чтобы сделать правильный вывод.

Спасатели остановились у решетки силовых отражателей, окружающей купола передающей и принимающей камер. Неясная тревога в душе росла, хотя Грехов не заметил ни малейшего повода к этому ощущению, кроме разве что странного отсутствия человеческого движения. Должен же здесь кто-нибудь находиться? Хотя бы из обслуживающего персонала. Или, сводя риск до минимума, люди решили совсем не выходить на платформу?

Микродинамик в ухе Грехова пискнул, и послышался голос Шёбранна, не слышимый никем, кроме того, кому предназначался:

— Может быть, зайдем к кому-нибудь в гости? Очень уж безлюдно, аж в тоску вгоняет.

— В принципе можно, — согласился Грехов, подумав. Предложения аса отвечали и его мыслям. Стоило убедиться хотя бы в том, что они здесь неодинок.

Но не успели они отойти от решетки, как эхо донесло до них тяжелые шаркающие шаги. Переглянувшись, они чуть ли не бегом обогнули купол одной из камер и увидели спину уходящего от них человека. Догонять его не стали, но Грехов сначала с недоумением, а потом с тревогой взгляделся в фигуру пешехода. Было в ней что-то странное: шаркающая походка, движения рук, перекося плеч... Грехов оглянулся на Шёбранна и увидел в его глазах понимание. И ужас. И понял сам.

— Не психуй, — сказал он быстро. — Поднимись над платформой, повыше, но медленно, и вызови баззер. Или передай Забаре. Я отвлеку...

— А не поздно? Ведь если это...

— Иди, время.

— А если они не...

— Я тебя сейчас ударю. Пошел!

Шёбранн мотнул головой, расширенными глазами впился в Грехова и, включив левитант, стал медленно подниматься в воздух, не отрывая взгляда от изменившегося, побелевшего лица командира группы.

И в это время странный пешеход остановился и обернулся. Грехов сдержал восклицание, поборол желание броситься вслед за товарищем и двинулся к незнакомцу. Тот, обратив к нему слепое, безгубое, серое лицо, молча ждал. Теперь отчетливо было видно, что это не человек.

Грехов остановился в нескольких шагах от него, мозг работал ясно и четко, страх прошел.

— Я землянин, — сказал он негромко. — А вы?

Серый незнакомец не шевельнулся.

Тишина вокруг стояла такая, что Грехову показалось, будто он оглох.

— Кто вы? — повторил он громче.

Незнакомец внезапно непонятным образом оказался совсем рядом, и тяжкий удар отбросил Грехова в сторону. Движения серого существа были так стремительны, что он не успел вовремя среагировать. На ногах, однако, удержался — помог экзоскелетон. «Вот тебе и контакт!» — усмехнулся он про себя, отступая на шаг — для обдумывания ситуации. Но серый дьявол не дал ему времени на обдумывание. Он снова неувлимо быстро шагнул вперед, рука его дернулась вместе с плечевым суставом. Грехов уклонился от нового удара, перехватил длинную серую руку, завел ее за себя и вбок, одновременно делая поворот вправо. Незнакомец переломился в поясе, и тогда Грехов рубанул его сверху по безобразно толстой шее, вкладывая в удар всю свою силу и мощь экзоскелетона.

В следующее мгновение кто-то огромный швырнул его вверх, как волан для бадминтона. От секундной перегрузки он потерял сознание; придя в себя, понял, что есть шанс вырваться из объятий сверхоборотня, и дал левитанту полную тягу, еще раз на миг теряя сознание от рывка.

Сквозь окружившие его звуки конкусского вечера донесся тихий отчетливый свист, и с высоты нескольких сотен метров, куда унес его левитант, Грехов увидел, как синяя поверхность платформы вдруг исказилась, строения ТФ-комплекса на ней поплыли, потеряли четкую форму. Платформа задрала вверх края, скачком изменив цвет на черный, и на улетающего со всей скоростью, на которую был способен левитант, спасателя надвинулось нечто, напоминающее гигантское черное яйцо, обросшее редким белым пухом.

Удар отбросил Грехова в сторону, и, прочертив дугу, он упал в заросли пузырчатого кустарника. Перевернувшись на спину, быстро достал деформатор, но выстрелить уже не успел. Что-то сверкнуло в днище уносящегося яйца, и Грехову все стало безразлично. «Уйдет...» — вяло подумал он, роняя оружие.

С тихим хлопком черное пятно сверхоборотня исчезло, словно он сделался прозрачным. А еще через некоторое время яркий белый свет упал с небес на ложбину, выжигая тени, и огромное дисковидное тело закрыло небосвод. Баззер «Ильмус» опоздал всего на полминуты.

В долине, которую только что занимал сверхоборотень, начался легкий переполох. Бежали куда-то люди, кто-то громко давал распоряжения, а над Греховым склонилось два лица: недоверчиво-испуганное Шёбранна и озабоченное Диего Вирта.

— Ничего, все в порядке, — хотел сказать Грехов, но сознание почему-то ускользало, и он с удивлением прислушался к своему телу, все еще не веря, что оно отказывается повиноваться...

НА ГРАНИ ПРОВАЛА

Сознание к Грехову вернулось только спустя двое суток.

Баззер совершал челночный поиск по трассе тэта Зайца — кси Голубого Колодца. Сверхоборотень ушел куда-то в этот

район, ушел не один: как теперь знали люди — передвигались сверхоборотни группой в девять-десять особей. На Конкусе они появились сразу в девяти районах, и, если бы не принятые меры, произошло бы массовое похищение людей. Но, несмотря на все ухищрения, тщательную подготовку операции и техническую оснащенность отрядов, сверхоборотни ушли все до единого. Локаторы баззеров поймали их в околопланетном пространстве не сразу и почти тут же потеряли, успев только засечь примерное направление движения. Группа сверхоборотней ушла к оранжевому карлику кси Голубого Колодца, и это подтверждало гипотезу Вигдора — двигались они по прямой.

В медцентре баззера было тихо, но откуда-то до слуха долетали неразборчивые фразы, обрывки слов. Грехов сначала отнес это к слуховой галлюцинации после его неожиданной болезни, потом прислушался и понял, что слышит голоса из динамика в углу комнаты. Мысленно приказав автомату увеличить громкость, он разобрал голос Вигдора, заинтересовался и включил видеопрограмму.

Стена напротив кровати «провалилась» в командный зал баззера, и Грехов увидел нескольких человек в креслах, среди которых были Торанц, Джаваир — руководитель второго сектора УАСС, Диего Вирт и Нагорин. Остальные были незнакомы. Вигдор стоял, облокотившись на изящную раму комбайна ТФ-связи, и словно рассуждал вслух:

— Мне кажется, появление сверхоборотней не следует считать вторжением и посягательством на права человека, хотя, конечно, выглядит это именно так. Двигутся они прямолинейно, я не понимаю, в чем тут дело, почему они так несвободны в выборе направления. Об этом можно только гадать. Появление их так же загадочно: если обратить вектор их движения вспять, то он упрется в абсолютно свободное межгалактическое пространство.

— Главное сейчас не в их загадочности, — сказал невозмутимый Джаваир, щуря узкие черные глаза. — Главное, что сверхоборотни постепенно проходят бедные звездами и населенными планетами окраины Галактики и скоро вонзятся в недра спирального рукава. А там, вы знаете, десятки аванпостов и поселений человечества. Это новые потери и жертвы... Дальше пойдут планеты, населенные существами иных цивилизаций, а за них мы тоже в ответе.

— Говорите конкретно, — глуховатым голосом произнес Торанц. — Что можно сделать со сверхоборотнем и какие средства может выделить Земля на эту операцию?

— Любые, — раздался высокий, с металлическими нотами, голос из затемненного угла зала.

Человек встал, и Грехов узнал Банглина, заместителя председателя ВКС — Высшего Координационного Совета Земли.

— Любые. Но это вовсе не значит, что достижение контакта со сверхоборотнем возможно лишь с помощью оружия. Последнее условие налагает на всех вас дополнительную ответственность: не только и не столько за установление контакта, сколько за жизнь людей, которые и не подозревают о существовании сверхоборотней. Прав Джаваир, не время сейчас решать, разумен сверхоборотень или неразумен. Действуют они

не совсем чисто, но ведь и мы действуем не лучшим образом, далеко не лучшим. Необходимо как можно скорее выработать стратегию дальнейшего поведения, учитывая прошлые ошибки, а они, к сожалению, были.

Банглин вернулся в кресло, помолчал и спросил:

— Почему же все-таки все девять оборотней ушли от нас? Столько усилий — и впустую! И еще это странное происшествие с группой Грехова... Кстати, почему начальник отдела лично участвовал в операции? Не хватает специалистов?

Вигдор нахмурился.

— Специалистов такого класса действительно мало, хотя я тоже не одобряю его решения. Что касается срыва операции... Сверхоборотни взлетели до того, как мы узнали, где и в каком образе они прячутся. Мне кажется, они получили централизованный сигнал от одного из своих приятелей на орбите. Этот десятый сверхоборотень мог заметить что-то подозрительное из космоса. А вот с Греховым действительно произошел странный случай. Объяснить его мы пока не можем.

— Не из-за действий ли этой группы все остальные сверхоборотни встревожились и ушли?

— Нет, — уверенно возразил Вигдор. — Габриэль Грехов действовал абсолютно правильно и сделал все, что мог. Большого на его месте никто из нас сделать бы не сумел, этот вывод анализаторов, а они, как известно, не ошибаются.

— Понимаю. — Банглин погрузился в размышления. — Так что, по-вашему, представляет собой этот серый властелин сверхоборотня?

— Есть целых три гипотезы на этот счет, — вступил в разговор Нагорин. — И все три, — он неожиданно усмехнулся, — одинаково уязвимы. Первая: серый человек — название условно — существо, захваченное сверхоборотнем на его пути. Вторая: это «человек для контакта», созданный самим сверхоборотнем для переговоров с людьми. («Они не знают еще, как действовал этот серый демон, — догадался Грехов, — иначе не было бы этой гипотезы. «Человек для контакта»... Хорош был контакт — драка!») И третья гипотеза: серый человек — хозяин гигантской машины, которую мы называем сверхоборотнем.

— Любопытно, — сказал заинтересованный Банглин. — Ну а вы сами к какой склоняетесь?

Грехов почувствовал головокружение и некоторое время отдышал, не прислушиваясь к беседе. Ответ Нагорина он пропустил, но затем говорил Сергиенко, хорошо известный Грехову по Тартару. За три года, истекшие с того времени, он совершенно не изменился.

— Мы знаем, — сказал Сергиенко, — что сверхоборотни путешествуют группой. Мы знаем, что они могут превращаться в любые материальные тела, вплоть до, казалось бы, невозможного — в озеро. Размеры их колеблются от сотен метров до одного километра — в своем естественном виде черного яйца. Скорость их передвижения в космосе лишь немногим уступает скорости наших кораблей в таймфаговых коридорах, хотя расчеты эти неточны: мы считаем скорость сверхоборотней по их появлениям у звезд, а ведь они, наверное, не сразу начина-

ют охоту, определенное время тратится на подготовку. Таким образом, скорость их огромна, что указывает на их энергетическую независимость. В сущности, мнение мое и моих коллег таково: сверхоборотень — аппарат, управляемый разумными существами. На мой взгляд, происшествие с Греховым подтверждает его достаточно основательно.

— И все же что-то здесь не так, — задумчиво сказал Торанц. — До сих пор поведение сверхоборотней было так прямолинейно, что разумным его не назовешь.

Грехову не суждено было выслушать всех участников разговора и решение научного совета. В комнату вошел врач и, не смотря на слабый протест, выключил видеом.

* * *

Через три дня баззер прибыл в систему кси Голубого Колодца — странное название для созвездия, состоящего из десятка желтых, оранжевых и красных звезд.

Грехов к тому времени был уже почти в форме. Разряд неизвестного излучения, которым окатил его сверхоборотень, оказался слабым и не затронул основных нервных центров.

Оранжевый карлик кси Голубого Колодца не имел официального названия, только регистрационный номер, но зато владел обширной планетной системой в двенадцать планет и два пояса астероидов. Все планеты были похожи на древний Плутон — ледяные, безатмосферные, голые и безжизненные. Лишь ближайшая к звезде обладала атмосферой и хилой растительностью. Поселений землян здесь не было, только вблизи экватора некогда разведчики, причем разведчики другой цивилизации, орилоухской, оставили автоматическую станцию-маяк, для тех, чья фантазия когда-нибудь заставит их посетить эту систему.

«Ильмус» вышел на мегаметровую орбиту вокруг планеты и выслал во все области системы иглоколы и автоматические зонды. Сверхоборотни должны были пройти мимо, обследуя планеты на предмет нахождения на них существ, и стоило попытаться обнаружить их в этот момент. Хотя эта точка зрения была уязвимой с тех позиций, что целей владельцев сверхоборотней никто знать не мог, плюс к этому неизбежная разница в психологии этих существ и психологии землян, в строе их логик и аппаратов восприятия мира.

«Задерживаться они не станут, наверное, — думал Грехов, покидая медцентр. — Уйдут, не обнаружив того, что ищут. Конечно, на всем предполагаемом пути их следования люди предупреждены и готовы к встрече, но ведь ничто не мешает им изменить маршрут...»

Он остался на баззере вместе с Вигдором. Группой пока руководил Забара. Диего Вирт ушел со своими к самой отдаленной планете и, уходя, пожелал Грехову скорейшего выздоровления («А то вид у тебя, — как он выразился, — словно ты решил испугать сверхоборотней своим скелетом»).

— Будет тебе, — грустно ответил Грехов.

В полутемном зале мерцали видеомы, связывающие баззер со всеми иглоколами. Банглин переговаривался с Ненароко-

вым. Сергиенко работал с координатором корабля, надев на голову шлем мыслеобщения. Один Вигдор медленно ходил вдоль вогнутой стены главного видеомая и посматривал на окна оперативных видеомая, показывающих одну и ту же картину: темный шар планеты и черно-звездное поле космоса. Если приглядеться, шары планет были разными, это значило, что иглоколы заняли места каждый возле «своей» планеты.

Подойдя к Грехову, Вигдор остановился.

— Выздоровел?

— Вполне. Но ты же знаешь врачей...

Габриэль выбрал кресло и уселся.

— Ожидание, боюсь, будет долгим. — Вигдор посмотрел на часы. Подождав немного, сел рядом и продолжал: — Извини, ничего нового о Полине сообщить не могу.

— Я понимаю...

— «Одинокый охотник», посланный в поиск «Клинка солнца», до сих пор молчит.

— Они найдутся, Керр, я почему-то уверен в этом.

— Добро. — Вигдор внимательно всмотрелся в спокойные черные глаза Грехова и встал. — Отдыхай, мне ты нужен здоровым и уверенным. Чует мое сердце, что и в этот раз операция сорвется.

Он махнул рукой и отошел.

— Типун тебе на язык, — пробормотал Грехов ему вслед, оставаясь сидеть. Напоминание о пропавшем без вести корабле больно задело сердце.

«Прости, Эль, — сказала тогда Полина. — Я очень нужна одному мальчику. Ты сильнее его, ты подождешь... и поймешь, я уверена. Не ищи меня несколько дней, я приду...»

Этим мальчиком был Володя Орлов, спасатель из группы Шелгунова, который умер на операционном столе Марсопорта. После катастрофы на Титане его шивали по частям, но спасти не смогли. Была одна надежда — любовь. Он тоже любил Полину, безнадежно и сильно. Полина должна была убедить его, что и она его любит. Нельзя представить, что это была за пытка для Полины, если она любила его, Габриэля. Но она была врачом-психоаналитиком и иначе поступить не могла. Правда, и ему было тяжело, но кто знает об этом? Только сама Полина... А Володя Орлов умер... Скорее всего он не поверил ей...

Полина... Неизвестность хуже беды — это твои слова. Впрочем, это к делу не относится. Приказано отдыхать и быть здоровым и уверенным...

Грехов тяжело встал и побрел в медотсек.

* * *

Трое суток дежурили земные корабли в системе кси Голубого Колодца. Мощные локаторы баззеров прощупывали межпланетное пространство с точностью до метра. Казалось, ни одно тело не могло проскочить сквозь этот заслон незамеченным. И все же сверхоборотни появились совершенно неожиданно и в самом центре системы. То ли они пользовались иным способом передвижения в пространстве, то ли методы их контроля и маскировки превосходили возможности локаторов.

Вигдор сыграл тревогу, и через несколько минут все иглоколы повернули к третьей планете звезды, возле которой хищной стаей кружились десять тел.

— Мне почему-то в последнее время кажется, что мы поспешили с выводами, — нарушил молчание Сергиенко. — Это семья, семья животных пространства.

— Почему? — резко спросил Банглин.

— Потому что любое разумное существо способно к обобщениям и давно бы поняло, что за ним следят, его ищут. Во всяком случае, оно изменило бы направление движения. Сверхоборотни же сломя голову мчатся по прямой. Мне кажется, что открытие их — великая и трагическая случайность. Их «счастье», что на пути то и дело попадают звезды с населенными планетами. Измени они чуть-чуть угол вхождения в Галактику, и пронзили бы ее, почти не встретив звезд.

— Но, может быть, это все-таки автоматические устройства, действующие по программе? — пробормотал Банглин.

Вигдор включил главный видеом баззера, и все присутствующие в зале оказались в черной пустоте над пепельно-серебристым серпом планеты. Изображение передавалось с иглокола, шедшего малой маневровой скоростью, поэтому серп постепенно утончался и скоро исчез совсем.

— Где же они? — спросил Сергиенко, разыскивая взглядом сверхоборотней.

— Евгений, дай контуры на видеом, — попросил Вигдор.

Ненароков подключил локаторное зрение в командный зал, и все сразу увидели впереди иглокола мерцающее зеленоватое пятно. Это шла группа сверхоборотней. Выделились и остальные иглоколы, ранее невидимые. Они появились рубиновыми черточками по разные стороны тесной группки сверхоборотней.

Из-за горба планеты выскочило оранжевое светило, и видимость ухудшилась. Земные корабли снова затерялись в ночи пространства.

— Сближайтесь, — подал команду Вигдор. — Будьте внимательны. Все наблюдают объект?

— Первый...

— Второй...

— Восьмой, наблюдаю.

— Расстояние?

— Первый, пять мегаметров.

— Второй, семь...

— Восьмой, одиннадцать.

Вигдор быстро оглянулся.

— Всем аварийно по креслам!

Грехов прыгнул в кресло вслед за остальными и вдавил рукой педаль защитной автоматики. Рядом стоящее кресло застонало от могучего тела Сергиенко.

— Баззеру — готовность к ТФ-режиму номер один!

— Опасно, — коротко отозвался Ненароков. — Иглоколы слишком близко.

— Сделай все, что можешь. Вирт, слышишь меня? Бери командование на себя. В полумегаметре от их группы включайте разгонное поле, одновременно форсируя тормозящее фокусом к сверхоборотням.

— Понял, — донесся спокойный голос Диего.

— Разгоните генераторы к дьяволу, но дайте нужную плотность поля!

— Попробуем.

Теперь группа сверхоборотней была видна хорошо — десять круглых зеленых пятен, убегающих в тень планеты.

«Однако размеры их блока не уступают размерам баззера, — подумал Грехов. — Энергиями они владеют под стать нам...»

— Они должны как-то общаться, — негромко сказал Банглин. Ненароков услышал и тут же ответил:

— На всех диапазонах тишина. Я слушаю их со времени обнаружения — и ничего...

— Странно. Связь между ними должна быть.

Внезапно что-то изменилось. Впереди иглоколов встало мгновенное туманное облако, расплзлось в стороны волокнами и образовало струящийся зонт, охватывающий когорту сверхоборотней. Навстречу ему от других иглоколов протянулся второй такой зонт, и группа оказалась в силовой ловушке. А спустя секунду синяя молния прошла пространство в том месте, люди невольно закрыли глаза, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы сверхоборотни исчезли.

ПРИМАНКА

Еще сутки дежурил «Ильмус» в системе оранжевого карлика кси Голубого Колодца. Сверхоборотни больше не появлялись. Станным образом вырвавшись из ловушки, они снова ушли в космос, и на этот раз вероятность их последующего обнаружения падала почти до нуля. Как сказал Сергиенко:

— Не будут же они вечно идти по прямой! Еще предстоит объяснить, почему они шли прямолинейно, никуда не сворачивая, так долго.

— А может быть, это дрейф? — пробормотал Джаваир.

— Дрейф со скоростью выше световой? Дрейф с избирательными остановками? Станный дрейф...

Грехов встретил Диего Вирта и шепнул ему:

— С оборотнем надо бороться его же оружием...

По случайности в зале в этот миг повисла тишина, и его шепот услышали многие.

— Каким же? — спросил Банглин, упираясь в аса пронзительными желтыми глазами.

Грехов с некоторой долей досады пожал плечами:

— Оружие сверхоборотня — способность к сверхподражанию. Почему бы и нам не скопировать что-либо для приманки? Облик самого сверхоборотня, например. Может, увидев его, они подойдут «познакомиться». Или... ну, не знаю, что еще.

— Это мысль, — произнес Торанц.

— Вот и проанализируйте эту мысль. — Банглин резко обернулся к руководителю первого сектора. — Только не слишком долго. Если все же допустить, что сверхоборотни и дальше будут идти по прямой, а, кстати, ничего другого нам не остается, — что у них на пути следующее?

— Гамма Суинберна, — ответил Вигдор. — Сто пять парсе-

ков. Предел для прямого хода наших кораблей. Если они будут двигаться с прежней скоростью, то появятся там дней через семь-девять.

— Семь дней, — повторил Банглин. — Что ж, видимо, придется давать сигнал опасности по всей Спирали. Уверенности в том, что они не свернут с пути, у нас нет, и надо успеть подготовиться к встрече с ними во всех системах.

— Может быть, не стоит торопиться с сигналом? — пробормотал Торанц, не глядя на заместителя председателя ВКС. Неудачи с захватом сверхоборотня ложились прежде всего на службу УАСС, и было горько осознавать себя виноватым, хотя, в общем-то, винить в неудачах было некого. В истории расселения человечества в Галактике подобных инцидентов не было, и учиться приходилось на своих собственных ошибках.

— Нет, — глухо сказал Банглин, — если бы мы рисковали с вами только своей репутацией...

* * *

Баззер медленно опускался в глубокую воронку планеты — именно такой представлялась она с высоты в сорок километров. До сплошного голубого облачного покрова оставалось совсем немного, когда корабль перестал двигаться и замер.

Около часа он висел неподвижно, не выказывая признаков жизни. Потом скачком прыгнул вверх, прочь от планеты. На его месте остался черный ребристый шар диаметром около двухсот метров. Шар подождал ровно столько, сколько понадобилось баззеру для перехода на другую орбиту, затем вдруг словно взорвался, превращаясь в бурое непрозрачное облако, отчетливо видимое в разреженном воздухе стратосферы...

Грехов наблюдал эту картину с поверхности планеты, опустившись на иглоколе задолго до появления шара. Шар, конечно, загадочным не был, представлял он собой генератор силового поля и в данный момент превращался в копию сверхоборотня.

Бурое облако достигло полутора километров в поперечнике и застыло.

Грехов, один из немногих видевший сверхоборотня вблизи, отметил большое сходство копии с оригиналом. Лишь цвет копии, как показалось асу, не соответствовал цвету настоящего оборотня, ведь он видел последнего черным.

— Ну все, — вздохнул Грехов и посмотрел на невозмутимую физиономию Диего Вирта. Между иглоколами была включена постоянная связь, и асы могли разговаривать друг с другом, словно находясь рядом.

Всего на поверхности планеты, многим напоминавшей Конкус, ожидали своей работы четыре иглокола, оснащенные дополнительным энергетическим оборудованием. По мысли руководителей операции, они должны были взлететь, как только группа оборотней подойдет к ловушке, и, включив концентраторы гравиполя, как бы «вморозить» всю группу в сверхплотное силовое поле, чтобы не дать ей уйти.

Эксперимент был опасен, и экипажи иглоколов состояли всего из трех человек: пилота и двух спасателей. Грехов пошел

в паре с Забарой. Пилотом на его корабле был Саша Лех, добродушный и мягкий на вид великан.

— Будем ждать, — сказал Вирт в ответ на вздох Грехова. — Видимо, это наш последний шанс. Пока что в этой игре пять-ноль в пользу сверхоборотней, а?

— Предупреждение дано по всем системам, — возразил Танич, появляясь в соседнем видеоме. — Где-нибудь эти оборотни найдут себе конец.

— Дело не в том, что они будут истреблены; мне, кстати, такой конец противен. Прежде чем уничтожать кого-либо, надо хотя бы попытаться понять его, а наши неудачи говорят о многом: о нашей беспомощности, традиционном подходе к решению задач поиска оборотней, несовершенстве логического аппарата... ну и так далее. Тот, кто назвал этих существ сверхоборотнями, смотрел в корень. Такой суперподражатель может предстать кем угодно, и поймать его чрезвычайно трудно, если не совсем невозможно.

— Что ты этим хочешь сказать? — удивился Танич. — Не веришь в успех операции, так и скажи.

— Я и сам не знаю, чего хочу, — подумав, сказал Диего Вирт. — Зато я знаю, что я могу.

— Что ты можешь, покажут наши успехи, — пробормотал Грехов. — А вот неудачи показывают, чего мы стоим...

Диего иронически приподнял бровь.

— Устами младенца... а в общем-то ты прав. Время покажет, что мы можем и чего стоим.

На этом их короткий разговор и закончился. Танич пожелал осмотреть окрестности в месте посадки, Диего Вирт пошел спать, сославшись на «отсутствие стимулов к активной жизни».

Командиром четвертого иглокола был сам Вигдор, упрямивший Торанца принять руководство всей операцией на себя. Еще на баззере Грехов слышал разговор начальника сектора с Банглиным.

— Почему вы посылаете на планету начальников отделов? — резко спросил Банглин.

— Потому что они лучшие оперативные работники, — сухо ответил Торанц. — Я не могу рисковать успехом дела, посылая на самый важный участок менее опытных людей.

Самые опытные... Габриэль с тоской посмотрел на фиолетово-синий ландшафт, окружавший корабль. Вдруг остро захотелось увидеть Полину, взглянуть в ее теплые карие глаза, ощутить травяной запах волос, почувствовать нежность и ласку маленьких рук... Чувство одиночества охватило его неожиданно и сильно, как никогда раньше, и было это, вероятно, признаком усталости, а может быть, результатом долгих размышлений и самоанализа.

«Что-то тоскливо мне в последнее время», — подумал он, мысленно включая корабельный музфон. Как нарочно, первая запись оказалась грустной миниатюрой известного ансамбля «Василетск», и Грехов даже головой покачал, настолько мелодия соответствовала его настроению...

День прошел. Под голубыми облаками, рассеивающими ровный синий свет, он наступал и уходил незаметно, похожий на долгий мучительный рассвет: солнце сквозь облака не просве-

чивало, и заметных колебаний светимости смена дня и ночи не вызывала.

Ночь тоже прошла спокойно, Грехов отметил это с некоторой долей сожаления — душа жаждала действия. Танич выходил из своего иглокола, но, побродив с час в сумеречном фиолетовом лесу, вернулся разочарованный и недовольный.

К десяти часам по корабельному времени, когда Забара любопытства ради вышел из корабля, а Грехов собрался позаниматься с вычислителем иглокола, внезапный сигнал общего внимания заставил его пересест в командирское кресло.

В ходовую рубку прибежал растерянный Лех и кинул взгляд на пульт, где горел сигнал экстренной связи и чей-то энергичный и даже веселый голос повторял:

— Экипажам всех иглоколов срочно вернуться на баззер! Тревога по форме «ноль»! Экипажам всех иглоколов...

Видеом экстренной связи мерцал тусклым золотом и напоминал речное дно, просвечивающее солнечным дном сквозь толщу воды.

— Форма «ноль» — это же вооруженное столкновение! — сказал Лех, быстро усаживаясь в кресло и выжидательно поглядывая на командира. — Неужели напал оборотень?!

В соседних видеобах появились встревоженное лицо Танича и недоумевающее Диего Вирта.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Вирт. — Я слышу только вызов, но видеосвязи нет...

Грехов вместо ответа включил системы дальновидения, и главный видеом иглокола отразил фиолетовый бархат неба и косо плывущий над планетой многокилометровый «цветок» баззера.

— «Ильмус»... — пробормотал Лех. — А где же имитация сверхоборотня? Неужели мы проморгали появление настоящего?

— Нас должны были предупредить в первую очередь, — возразил Танич.

— Ну а если не успели?

Появился Вигдор, бледный и словно помятый.

— Чего ждете? Особого приглашения?

— Странный вызов, — отозвался Диего Вирт. — Видеосвязи нет, но голос слышен, не узнаю чей. Слушайте, братцы! — Диего встретился взглядом с Греховым. — А что, если это...

— Сверхоборотень! — закончил тот. — Конечно, это не баззер, это оборотень. Но где тогда настоящий «Ильмус», хотел бы я знать? Почему он молчит?

— Готовили ловушку для сверхоборотней, а они сделали ловушку для нас, — хохотнул Диего. — Не лишено остроумия.

— Забара вернулся? — спросил Грехов через плечо у Леха.

— Я здесь. — Забара в рубке поспешно снимал скафандр.

— Отлично, — кивнул Грехов и усмехнулся. — Остроумно, говоришь? Прimitив, никакого остроумия. Вот что, ребята, я не знаю, где сейчас баззер, но стоит попытаться захватить хотя бы этого оборотня. Время не ждет, кто «за»? Я стартую, Саша, старт!

Лех беспрекословно нырнул головой в шлем мыслеуправления.

— Куда?! — крикнул Вигдор, но иглокол Грехова уже скользнул в небо белой молнией и пропал в облаках.

— Григ, старт! — приказал Диего Вирт своему пилоту, демонстрируя отличную реакцию.

Вигдор запоздал на секунду, потом махнул рукой:

— Вперед!

Вместе с ним стартовал и Танич.

Баззер, настоящий баззер «Ильмус» не отзывался на запросы, и Вигдор мимоходом подумал, что сверхоборотни затеяли игру по своим правилам, игру, из которой люди могут и не выйти живыми. Если баззер не придет на помощь... Где же он?

«Ильмус» в это время отражал атаки разделившейся группы оборотней, удивившей его от планеты.

ЕСТЬ НАДЕЖДА

Иглокол Грехова опередил остальные корабли на полминуты. Он был уже в нескольких сотнях метров от мнимого баззера, как вдруг его подхватила мягкая, но властная сила и понесла прямо на центральный диск.

— Держись! — рявкнул Лех, не заботясь о субординации.

Они невольно сжались в креслах. Тоненько запел фиксатор защитного поля рубки, спасающего людей от перегрузок.

Диск надвинулся вплотную, но в последнее мгновение в нем образовалась щель, в которую и ухнул иглокол, как в пропасть.

Именно в этот момент возле лжебаззера выросли с разных сторон иглоколы Вигдора, Танича и Вирта, разом затормозились и включили капсулирующие гравитационные генераторы. Гигантский цветок мнимого корабля тут же сломался, все его ажурные конструкции поплыли, укорачиваясь, и спустя несколько секунд в космосе мчались два белесых бугристых шара, окруженных сполохами борющихся силовых полей. Один из сверхоборотней почти сразу вырвался и мгновенно растворился в пустоте, другой почернел, словно обуглился, пытался резкими движениями вырваться из цепких силовых сетей земных кораблей, но что-то, видимо, мешало ему набрать нужную скорость, сковывало движения. Вел он себя странно: то замирал на месте, распухая в размерах, то сжимался до предела, испуская яркий зеленый свет.

— Грехов дает! — тихо сказал Диего Вирт, сжав зубы и кивая в сторону метавшегося оборотня. В рубках иглоколов, несмотря на титаническую схватку, стояла тишина, и разговаривать можно было свободно.

— Надолго нас не хватит, — тонким голосом отозвался Танич. — Ну и силища же у этого черного мешка!..

— Сближайтесь! — прохрипел Вигдор. — Легче будет держать...

Всей борьбой, невидимой, но жестокой, руководили автоматы, но люди были напряжены так, будто это они наносили миллиардоваттные удары шпагами силовых полей и отражали такие же ощутимые выпады противника.

Схватка продолжалась еще некоторое время. Второй раз оборотень испустил тонкие, пронзительно яркие лучики света, пока

Вигдор не догадался, что это вторичный эффект направленной ТФ-передачи: оборотень слал призывы о помощи.

— Сейчас будет туго, — сказал Вигдор, — он зовет своих.

— Где же баззер? — Вирт возился с передатчиком и бросал яростные взгляды на пустой объем экрана.

Сверхооборотень делал отчаянные попытки вырваться из объятий силовых полей, которыми его окружили иглоколы, но мощности его противодействия не хватало, не хватало, быть может, самой малости, к тому же «проглоченный» иглокол Грехова отнимал у него свободу маневра, и он метался и менял форму, словно огромный жук, запутавшийся в паутине.

Внезапно Вигдору показалось, что звезды тронулись с небес и ринулись к кораблям, словно брошенные горстью.

— Один... четыре... семь... — насчитал пилот шепотом.

— Внимание! — объявил Вигдор. — Держитесь плотнее, идут остальные!

Но сверхооборотни не успели прийти на помощь своему собрату. Потому что всего в полусотне километров от сплетенного клубка борющихся гиганта оборотня и земных кораблей (с невиданной точностью!) возникло вдруг сияющее тело баззера, и по характерной лучистой короне, окутавшей его, Вигдор понял, что баззер выстрелил по хищно приближающейся стае струями жестких излучений. Все семь сверхооборотней разом окутались зеленоватым облаком, а когда облако растаяло — космос был пуст.

Баззер величественно приблизился к замершему последнему сверхооборотню, тот рванулся было в сторону, но переливчатая пелена, похожая на мыльный пузырь, окутала его со всех сторон и повлекла к главной силовой антенне «Ильмуса».

В видеобазах иглоколов возник командный зал баззера, тревожные лица дежурных инженеров Сергиенко и Торанца, сосредоточенное Банглина.

— Там у него иглокол Грехова... внутри, — устало сказал Вигдор. — Если можно, посмотрите побыстрее, пожалуйста.

— Можно, я попытаюсь проникнуть внутрь оборотня? — спросил быстро Диего Вирт.

Банглин поджал губы.

— Вряд ли это возможно... сейчас, по крайней мере.

— И все же...

— Если возникнет такая необходимость, мы вас пригласим. — И Банглин дал понять, что разговор окончен. — Возвращайтесь на корабль. Все.

Диего Вирт нахмурился, по его мнению, следовало немедленно что-то предпринять для освобождения иглокола Грехова из «плена» сверхооборотня. Но Торанц опередил его:

— Мы сейчас хозяева положения, — сказал он, понимая чувства аса. — Военные действия закончились, но мы все равно диктуем свою волю... этим... в сверхооборотне. Те, кто им командует, управляет, должны это понимать, и иглокол Грехова их единственный шанс ультимативного контакта.

— Обмен? — догадался Вигдор. — Они нам иглокол, мы им свободу?

— Нечто вроде этого.

В этот момент в мегаметре от земных кораблей выросло ис-

текающее белым пламенем тело второго баззера. «Риман» опоздал к схватке всего на полчаса.

В динамиках пробились возбужденные голоса прибывших, а в видеомах иглоколов мелькнуло вдруг лицо Полины Греховой. Вигдор тупо удивился: она-то здесь почему? Но потом понял: пропавший «Клинок солнца» наконец объявился, и «Риман» привез Полину с Земли. Живую и невредимую. А сам Грехов...

— Черт! — в сердцах произнес обычно сдержанный Диего Вирт. Он тоже увидел Полину. — Что мы ей скажем?

— Габриэль? — тихо спросила она, упираясь требовательными, пронзительно черными глазами в Вигдора. Тот проглотил ком в горле и тяжело покачал головой.

— Понимаешь...

— Где он? Диего, почему вы молчите? Что с ним?!

Диего Вирт яростно почесал щеку и крикнул. Вигдор встретил взгляд Полины, отвернулся и растерянно пожал плечами.

— Не знаю, Полина... я не знаю... Ведь и тебя долго не было, а он тревожился... и все мы...

* * *

Месяц спустя сверхоборотни появились в созвездии Ориона, но предпринять что-либо не сумели: люди были предупреждены и вооружены знанием, которое дал им захват одного из них. Как и прежде, сверхоборотни двигались по прямой — объяснить этот факт удовлетворительно так никто и не смог, — и, как и прежде, пытались «пассивно» охотиться на людей.

На заседании Центрального Ствола УАСС, состоявшемся на лунной базе, Торанц докладывал о результатах операции «Оборотень».

— Таким образом, сверхоборотень, — говорил он, — пока полностью или почти полностью загадочен для нас. На равных продолжают существовать три гипотезы. Первая: сверхоборотень представляет собой звездолет. Вторая: сверхоборотень — живое существо с огромной, можно даже сказать, с машинной памятью. Третья: это автомат для сбора информации, запущенный некогда разумными существами. Многие экзобиологи, участвовавшие в изучении пойманного сверхоборотня, убеждены в том, что он животное со способностью к мимикрии, фантоматическому преобразованию «космического» масштаба. Конечно, месяц изучения сверхоборотня не может дать многого, но уже сейчас известно, что жизнедеятельность земных и всех известных инопланетных организмов по всем параметрам отличается от жизнедеятельности оборотней. Ученый-универсалист Талгрвенн, занимающийся проблемой оборотней, сказал даже, что подобные чудовища вообще не имеют права на существование, ибо некоторые показанные оборотнем эффекты опровергают третье начало термодинамики. Я закончил.

По залу пробежал легкий шумок.

Следующим выступал заместитель председателя Высшего Координационного Совета Земли Банглин.

— Возможно, — звучным голосом начал он, — мы столкнулись с жизнью, которая когда-то в процессе эволюции перешла в открытый космос, но странным образом не переступила грань, отделяющую инстинкт от разума, животную интуицию от ин-

теллекта. Возможно, оборотень действительно автомат, запущенный когда-то и кем-то, о ком мы можем только гадать. Более вероятно гипотеза, в которой сверхоборотень предстает перед нами звездолетом, управляемым негуманоидным разумом. Единственное, что пока известно точно, он имеет устройства, способные усваивать не только приобретенную человеком информацию, но и наследственную непосредственно из клеток мозга!

Банглин переждал шум и продолжал:

— Открытие устройств произошло при весьма трагических обстоятельствах: первая же попытка освободить захваченный оборотнем иглокол Грехова закончилась плачевно: погибли пилот второго иглокола и помощник командира патруля. При их обследовании оказалось, что вся информация в их мозгу стерта! Клетки мозга разрушены!

Каким образом считывается информация, мы не знаем, но этот факт проверен последующими экспериментами. Таким образом, информация добывается оборотнями практически мгновенно и без тех колоссальных затрат сил, энергии и времени на усвоение знаний, которые тратит человек на протяжении всей жизни.

Если они живые существа, что тоже вероятно (не будем скапываться в схоластические споры о разнице живого и неживого), то именно этот факт мог и не позволить сверхоборотням подняться над уровнем животного сознания — легкость приобретения любой информации. Человек, как вы понимаете, оказался для оборотня вдвойне лакомым куском: знания его обширны и касаются всех граней жизни многих иных существ космоса. Ну а если оборотни автоматические устройства...

— Если бы попытка изловить их снова закончилась неудачей, — сказал Вигдор на ухо Диего, — то вся информация о наших приготовлениях, логическом строе и способах охоты была бы ими впитана и понята. И тогда уж окончательно был бы решен вопрос контакта с ними, только с помощью оружия. Иначе каждая встреча с ними будет заканчиваться трагически. И все же как изобретателен космос!..

Диего Вирт согласно кивнул.

— К сожалению, общение с оборотнем возможно пока в прямом смысле только через его «желудок», — говорил Банглин. — Я знаю, звучит это неправдоподобно, но это так. Самое плохое, что мы столкнулись со столь диковинной жизнью совершенно неподготовленными и при таких обстоятельствах, которые не оставляют места долговому размышлению. Но все же стоит поразмыслить над тем, как, не уничтожая сверхоборотней, которые могут встретить в Галактике других разумных, обезопасить этих неведомых нам братьев? Уничтожить автоматический аппарат, или животное, или управляемый механизм, пусть даже чрезвычайно опасные для человека, но обладающие такими поразительными свойствами, не попытавшись прежде отыскать какие-то пути взаимопонимания, мне кажется недопустимым...

— А пока мы будем пытаться, оборотни будут продолжать охоту? — не выдержал кто-то из сидящих в зале.

— Наверное, будут. Однако контакт с ними чрезвычайно ва-

жен. Многие ученые склоняются к тому, что сверхоборотень — древнейшая форма жизни в космосе, реликт невообразимо далеких эпох...

— Неубедительно, — прозвучал тот же голос. — Вопрос стоит так: или мы, или они. Ведь действенных форм защиты от них нет?

— Разрешите, я отвечу? — поднялся с места Вигдор.

Зал собраний Ствола УАСС поднимался амфитеатром, поэтому его видели все присутствующие, в большинстве своем начальники отделов и групп.

Банглин слегка нахмурился, на миг задержал взгляд на фигуре руководителя отдела и согласно кивнул.

Вигдор несколько мгновений смотрел в пол, потом сдвинул пальцами усталые глаза — отдыхать ему за месяц так и не пришлось ни разу — и выпрямился.

— Когда-то в девятнадцатом и двадцатом веках люди, наши с вами предки, истребили почти всех хищных животных на Земле. Некоторые редкие виды животных исчезли совсем, безвозвратно. О нарушении экологического баланса Земли я уже не говорю, стоит ли напоминать и о том, что каждый вид животных уникален? Кроме всего прочего, это истребление не украсило цивилизационную деятельность человека, как не украсило ее покорение «дикого запада» Америки с уничтожением и порабощением коренных жителей, варварское истребление лесов, загрязнение водоемов, атмосферы и многое другое. Сейчас мы столкнулись с редчайшим явлением в космосе, со сверхоборотнем — либо «одичавшим» автоматом, либо формой жизни, способной к супермикрии, обладающей способностью к перемещению в межзвездном пространстве, владеющей, кроме всего этого, неизвестным видом лучистой энергии! Кстати, вы знаете, что представляет собой оболочка сверхоборотня? Это одна колоссальная сверхмногоатомная молекула! Гравихимики устроили в связи с этим открытием торжественные похороны прежней теории и уже строят новую! Это же невероятная удача, открывающая простор для изучения и познания жизни во вселенском масштабе!

Да, это хищная форма жизни. Но имеется одно маленькое соображение: нападения оборотней на человека так часты не потому, что они ищут встреч с нами, а потому, что мы нарастающими темпами исследуем и обживаем Галактику. Сверхоборотней всего десять. Несколько выстрелов — а я знаю, любителей пострелять и в наше время немало среди нас, — и сверхоборотни исчезнут. А вы, все здесь сидящие, хорошо представляете, какие последствия несет уничтожение их рода. Последствия, мне кажется, необратимые, ибо стоит поразмыслить и над тем, в борьбе с какими врагами обрели такую защиту сверхоборотни!..

Не поднимая головы, Вигдор сошел с возвышения и сел рядом с Диего. Зал молчал...

— Куда теперь? — спросил Вигдор Диего, останавливаясь у входа в зал таймфага.

— В медцентр на Камчатке, там врачи сейчас решают судьбу

Габриэля. Потом... потом к себе в отдел, ведь дежурства мои никто не отменял. А тебе пора отдохнуть, выглядишь ты неважно.

— Торанц дал всем официальное разрешение на неделю отдыха.

— Тем более. Оборотень теперь в надежных руках на марсианском полигоне. Кстати, ты в своей грандиозной речи говорил о сверхоборотнях как о живых существах. Ты что же, всерьез думаешь, что они — космические левиафаны?

Вигдор вздохнул, поглядел на часы перед входом в зал.

— А ты?

Диего улыбнулся.

— Не знаю, не думал об этом. Не хитри. Я же вижу, у тебя есть собственная гипотеза.

— Ты прав, есть. Но... понимаешь, — Вигдор снова вздохнул, — она настолько бредова и проста, что я сам пугаюсь: вдруг я прав?! Мне кажется, что сверхоборотень не звездолет, не автомат и не животное космоса, а спора какого-то суперсущества! Споры, а не само существо, понимаешь? Отсюда наши неудачи с контактом. Представляешь, если она когда-нибудь прорастет?

Диего задумчиво покачал головой.

— Не представляю. Но идея у тебя действительно... сумасшедшая. Кстати, ты знаешь, что у нашего сверхоборотня изменился облик?

Вигдор удивленно пожал плечами.

— Когда ты это узнал?

— Перед совещанием. Он теперь похож на шар, готовый лопнуть.

Вигдор побледнел.

— Шар? О, черт!.. Ты-то хоть понимаешь, о чем говоришь? Ведь если я прав и сверхоборотень — споры, готовая прорасти...

Теперь уже изменился в лице Диего.

— Ты думаешь...

— Да когда же тут думать! Быстро на полигон! Еще есть надежда успеть предупредить...

Зал таймфага показался им жерлом готового к взрыву вулкана. Но оставалась надежда, одна из самых главных надежд аварийно-спасательной службы — успеть! И надо было использовать свой шанс до конца...

